

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.12.32>

Исаева Оксана Сергеевна

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Л. Н. ГУМИЛЕВА И КЛАССИЧЕСКОЕ ЕВРАЗИЙСТВО

В статье проанализированы философские идеи оригинального направления русской эмиграции 20-30-х гг. XX столетия - классического евразийства и трансформации евразийских идей в философии Л. Н. Гумилева. Раскрыто содержание основополагающих для классического евразийства понятий и установок, таких как Россия-Евразия, месторазвитие, европоцентризм, симфоническая личность. Автор проследил линию их развития в учении Л. Н. Гумилева. Отмечается, что Л. Н. Гумилев дополнил концепцию классических евразийцев понятием пассионарности. Автор приходит к выводу, что в учении Л. Н. Гумилева ключевые позиции занимает естественно-научное, а не философское обоснование его взглядов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/12/32.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 12. С. 169-173. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/12/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

TRANSCENDENT AND TRANSCENDENTAL COSMISM AS IDEOLOGICAL CONCEPTS

Burkhanov Rafael' Airatovich, Doctor in Philosophy, Professor
Nikulina Ol'ga Vyacheslavovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Surgut State University
ra.nvarta@gmail.com; o.n.nv@yandex.ru

The article is devoted to analysing transcendent and transcendental cosmism. The conclusion is made that transcendent cosmism is “philosophy of nature”, conception of all-encompassing unity of a human being and Universe, which proceeds from existence of a priori primary element and seeks to penetrate the very depths of “nature cosmos”, and transcendental cosmism is “philosophy of a human” focused on a priori forms of human thinking and existentials of human existence and seeking to perceive transcendental foundations of “human cosmos”.

Key words and phrases: human; world; cosmos; cosmism; the transcendent; transcendent cosmism; the transcendental; transcendental cosmism; a priori forms of thinking; existentials of human existence.

УДК 1(091)

Дата поступления рукописи: 11.11.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.12.32>

В статье проанализированы философские идеи оригинального направления русской эмиграции 20-30-х гг. XX столетия – классического евразийства и трансформации евразийских идей в философии Л. Н. Гумилева. Раскрыто содержание основополагающих для классического евразийства понятий и установок, таких как Россия-Евразия, месторазвитие, европоцентризм, симфоническая личность. Автор проследил линию их развития в учении Л. Н. Гумилева. Отмечается, что Л. Н. Гумилев дополнил концепцию классических евразийцев понятием пассионарности. Автор приходит к выводу, что в учении Л. Н. Гумилева ключевые позиции занимает естественно-научное, а не философское обоснование его взглядов.

Ключевые слова и фразы: классическое евразийство; Л. Н. Гумилев; неоевразийство; европоцентризм; месторазвитие; вмещающий ландшафт; пассионарность; Россия-Евразия; этнос; симфоническая личность.

Исаева Оксана Сергеевна, к. филос. н.
Пензенский государственный университет
okcana_isaeva@mail.ru

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Л. Н. ГУМИЛЕВА И КЛАССИЧЕСКОЕ ЕВРАЗИЙСТВО

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00591 «Философия классического евразийства 20-30-х гг. XX в. и “постъевразийские” концепции».

Евразийство сформировалось в 20-х гг. XX века в русском зарубежье, представив собой оригинальное, самобытное течение философской мысли, общественно-политическое движение, новое видение будущего российской действительности. Это было одно из наиболее необычных в своем роде направлений, настоящее пореволюционное движение, возникшее на основе общего настроения и мироощущения. В частности, Н. А. Бердяев отмечал, что у евразийцев «есть новая настроенность, есть молодой задор, есть не подавленность революцией, а пореволюционная бодрость, и им нельзя отказать в талантливости» [1, с. 292]. Евразийцы действительно оказались одаренными людьми, которые смогли «заразить» своими идеями очень многих мыслителей. Евразийство просуществовало примерно два десятка лет, но нас все равно поражают масштабы очагов его распространения. София, Прага, Париж, Берлин, Белград, Брюссель – вот неполный перечень городов, где образовывались евразийские группы. Вся Европа была буквально охвачена евразийством. К евразийцам примыкали, о евразийстве спорили, его осуждали, критиковали, о нем дискутировали, обвиняя в отсутствии системности, преобладании эмоций, сменевеховстве и «утопическом этатизме» [1; 2; 12]. Если не появлялось сторонников, то возникали критические оценки – евразийство никого не оставляло равнодушным. Причину такого мощного общественного резонанса Л. Люкс видел в том, что евразийцам удалось соединить завораживающую эмоциональность с научностью [14, с. 105]. Классическим евразийцам удалось создать оригинальное и своеобразное учение, теоретический синтез наук – россиеведение, как определяли его сами евразийцы.

Классическое евразийство 20-30-х гг. XX в. впервые оформилось в работах четверых его основоположников: П. Н. Савицкого, Г. В. Флоровского, Н. С. Трубецкого и П. П. Сувчинского. В дальнейшем круг его участников постоянно менялся. К евразийскому течению в разное время относились Г. В. Вернадский, Л. П. Карсавин, Н. Н. Алексеев, Д. П. Святополк-Мирский, В. Н. Ильин, Э. Хара-Даван и многие другие. Евразийских авторов интересовали вопросы, которые всегда были первостепенными для русских философов – вопросы судьбы и дальнейшего пути развития нашей Родины. Классическое евразийство представило собой попытку создания идеологии «третьего пути» – пути, отличного от всех существующих «правых» и «левых» идеологий. Осмыслив все произошедшие в России и мире события, евразийцы увидели в свержении царской власти новую,

открывшуюся для нашей страны возможность восстановить былое могущество, обратившись к своим истокам и возродив православную самобытную русскую культуру. Классическими евразийцами был создан социальный проект будущей России-Евразии – проект, который они мечтали воплотить в действительность. Их мечтам не суждено было сбыться. В конце 1920-х гг. в евразийстве произошел раскол, и классическое евразийство постепенно пришло к логическому завершению своего существования. Но оно не исчезло бесследно. Евразийство «возродилось» в творчестве его последователей. Так, уже во второй половине XX века были опубликованы работы ученого и философа, назвавшего себя «последним евразийцем», – Льва Николаевича Гумилева [5]. С конца 1980-х гг. стали публиковаться работы и других неоевразийских авторов, чьи концепции не представляют собой целостного направления и часто идут вразрез с оригинальными идеями классических евразийцев [10].

Цель данного исследования заключается в том, чтобы проанализировать философские учения классических евразийцев 20-30-х гг. XX в. и Л. Н. Гумилева, сравнить их и установить преемственные связи и различия между ними. **Актуальность** и **научная новизна** исследования обуславливаются тем, что интерес к многогранному евразийскому учению не иссякает и по сей день, в связи с чем возникает необходимость конкретизировать и «развести» воззрения собственно классического евразийства и интерпретации евразийских идей их преемниками в философском контексте, обозначить основные принципы, объединяющие их.

Л. Н. Гумилев поддерживает основополагающий для всего евразийского учения принцип полицентризма – идею о множественности и самобытности каждой из культур всех существующих в мире народов. «Этническая пестрота – это оптимальная форма существования человечества», – пишет Л. Н. Гумилев [5, с. 21]. Вслед за Н. С. Трубецким, утверждавшим, что «культура должна быть для каждого народа другая» [18, с. 120], мыслитель отвергает европоцентризм и утверждает, что в мире присутствует огромное количество культурных центров. Центром мира является Европа, но и Палестина, и Китай, и Иберия выступают такими же равнозначными центрами. Л. Н. Гумилев утверждает, что мир и человеческую историю следует рассматривать «не как единое целое с единственным центром в Европе, а как мозаичную целостность, вид, разбитый на разные ландшафты» [9, с. 9]. Число центров, согласно мыслителю, можно определить по «сходству ландшафтов» [Там же, с. 7].

Но главной, определяющей в учении Л. Н. Гумилева является другая ведущая установка классических евразийцев. В основе ее лежит вывод, к которому пришел П. Н. Савицкий. Это определение границ России-Евразии, которые и отделяют от Западной Европы «этот внутренний континент». Они, согласно П. Н. Савицкому, а также и Л. Н. Гумилеву, «проходят по изотерме января... На восток она отрицательна, что имеет следствием сильные морозы, а на запад она положительна – оттепели» [Там же, с. 6].

Классические евразийцы в своем философском учении пристальное внимание уделяли взаимосвязи географической местности и особенностей окружающей среды с историей и культурой проживающих на ней народов. Исследователи отмечают ведущее значение географического фактора в философско-исторической концепции евразийцев. Так, В. П. Кошарный пишет, что всю историю России классические евразийцы рассматривают с точки зрения географического детерминизма [13, с. 9]. Л. Н. Гумилев также говорит о многократном увеличении роли географии в определении жизни этносов. Евразийство, согласно ученому, задуманное изначально как «синтез гуманитарной науки и естествознания, синтез истории и географии», тем не менее нуждается именно в естествознании [9, с. 6]. Мыслитель полагает, что именно благодаря евразийству и солидной исторической подготовке евразийских мыслителей «ныне можно объединить такие науки, как история, география и природоведение» [Там же]. Попытку развить евразийское учение в естественно-научном направлении, связать евразийскую историософию с естествознанием и совершает Л. Н. Гумилев.

Географический фактор выступает в качестве системообразующего элемента в философском учении евразийцев. Введенный П. Н. Савицким термин «месторазвитие» составляет основу для единства культурного, социально-политического, экономического, языкового, религиозного [11]. П. Н. Савицкий отмечал, что название течения – «евразийство» имеет географическое происхождение. Среди земель Старого света необходимо, согласно евразийцам, выделять не только Европу и Азию, но и третий материк – Евразию. Его территорию составляют три равнины: Восточно-Европейская (Беломорско-Кавказская), Западно-Сибирская и Туркестанская, а также возвышенности, отделяющие их друг от друга и окантовывающие их с юга, востока и юго-востока (Уральские горы, горы русского Дальнего Востока, Кавказа и Восточной Сибири, Малой и Средней Азии). Все это пространство составляет особый мир, «единный в себе и географически отличный как от стран, лежащих к Западу, так и от стран, лежащих к юго-востоку и югу от него» – мир России-Евразии [16, с. 82]. И Азия, и Европа, и Евразия представляют собой особые «географические миры», «пространства, поддающиеся реальной географической характеристике по нескольким признакам одновременно» [15, с. 280]. И Азия, и Европа, и Евразия являются отдельными месторазвитиями. Месторазвитие П. Н. Савицкий определяет как некоторое общежитие, элементы которого взаимно приспособлены друг к другу, а также к окружающей среде и, в свою очередь, приспособили окружающую их географическую обстановку к самим себе, сливаясь, таким образом, в единый «географический ландшафт» или «географический индивидуум». Согласно классическим евразийцам, любая «человеческая среда», будь то деревня или деревенский двор, Россия-Евразия или Европа, представляет собой подобное месторазвитие. Меньшие месторазвития сливаются в большие, и самым большим выступает земной шар. Классические евразийцы утверждают, что вместе с введением понятия «месторазвитие» географический элемент был «в истинном смысле» введен в обществоведение [Там же, с. 284].

Г. В. Вернадский также подчеркивает, что месторазвитие – это целостное образование. Географические особенности месторазвития, с одной стороны, предопределяют ход исторического развития народа, а с другой – сам народ также приспособливает к себе географические и хозяйственные нужды. Мыслитель также отмечает,

что в различные исторические периоды, которым соответствуют разные степени культуры общностей людей, разные совокупности географических и социально-исторических факторов могут образовывать разные месторазвития. Философ подчеркивает глубокую первостепенную взаимосвязь народа с его месторазвитием. «Освоение народом исторического своего месторазвития вполне прочно лишь тогда, когда оно осознано народом», – утверждает Г. В. Вернадский [3, с. 22]. Собственно, осознание народом органической и исторической целостности своего месторазвития, по Г. В. Вернадскому, и составляет в значительной степени историческое самосознание народа, что уже, в свою очередь, ведет к формированию органического и цельного мирозерцания.

Таким образом, Россия-Евразия утверждается классическими евразийцами как мир особый и целостный во всех отношениях: культурном, историческом, политическом, лингвистическом, хозяйственно-экономическом, религиозном. И главным организующим и объединяющим компонентом в обосновании такого единства выступает именно единство географической территории. Классические евразийцы придают понятию месторазвития особый смысл – оно лежит в основе обоснования единства России-Евразии, причем единства именно органического. Посредством этого понятия евразийцы показывают взаимозависимость и взаимосвязь между всеми аспектами развития и жизнедеятельности определенного народа, невозможность оторвать проявления реальной жизни народа от окружающей его среды. В философии Л. Н. Гумилева понятие «вмещающий ландшафт» также выступает в качестве определяющего звена в процессе этногенеза.

Л. Н. Гумилев является основоположником этнологии. Эта наука исследует влияние природных процессов на историю развития человеческих цивилизаций. Мыслитель изучает процесс этногенеза и задается вопросом о том, является ли этнос продуктом случайного сочетания социальных и биогеографических систем. Он исследует этногенез с момента его возникновения до момента исчезновения либо перехода в фазу персистентного состояния гомеостаза и однозначно утверждает, что нет. В основе развития этноса, согласно Л. Н. Гумилеву, лежит «элементарная модель». Л. Н. Гумилев полагает, что этнос в географическом аспекте в момент своего возникновения выступает как популяция, т.е. как «группа сходных особей, приспособившая определенный географический ландшафтный регион к своим потребностям и одновременно сама приспособившаяся к нему» [8]. Чтобы поддерживать достигнутое этноландшафтное равновесие, утверждает мыслитель, необходимо постоянное повторение деяний предков, хотя бы в отношении к окружающей среде, т.е. у этноса должны сформироваться традиции.

Но сам момент зарождения этноса – это очень короткий миг. Л. Н. Гумилев пишет, что «появившийся на свет коллектив должен немедленно сложиться в систему, с разделением функций между членами» [Там же]. Иначе он просто не сможет выжить, и его уничтожат соседние этносы. Для того чтобы выжить и развиваться дальше, этнос быстро формирует различные социальные институты, особенности которых запрограммированы «обстоятельствами места (географическая и этнографическая обусловленность) и времени (стадия развития человечества, т.е. тот или иной способ производства)» [Там же]. Быстрый рост системы обусловлен потребностью в самоутверждении и самосохранении этноса, силы же и возможности для развития этнос берет в пассионарности.

Пассионарность – это именно та характеристика, которой, согласно Л. Н. Гумилеву, не хватало классическим евразийцам. По сути, мыслитель добавил к уже выделенным классическими евразийцами факторам – культурогенезу, пространству, времени и этнокультурной целостности – четвертый, энергетический фактор – пассионарность. И если классические евразийцы акцентировали внимание на географическом факторе, применяя его как обоснование для политического и государственного единства России-Евразии, то Л. Н. Гумилев ведущее значение отводил энергетическому процессу – пассионарному толчку.

Под пассионарностью мыслитель подразумевает биологический признак, который присутствует в любом процессе этногенеза. Это энергия живого вещества биосферы. Она наполняет исторические процессы развития этносов. Л. Н. Гумилев приходит к выводу, что пассионарность передается от одного поколения к другому, т.е. от родителей к детям, и появляется в определенные периоды в четко очерченных областях с размытыми границами. Таким образом, пассионарность предстает в качестве географического феномена на биологическом и историческом фоне. Пассионарный толчок, согласно Л. Н. Гумилеву, – это некий взрыв энергии, причина которого остается неясной. Это своеобразная микромутация, оказывающая воздействие на стереотип поведения людей. Она никогда не захватывает всего этноса, а только некоторых особей, чего вполне достаточно для образования новой «породы» – консорции, которая при благоприятных обстоятельствах перерастет в этнос. Под консорцией Л. Н. Гумилев понимает нестойкие группы людей, которых объединяет одна историческая судьба, такие как, например, различные кружки, секты, артели, банды и т.п. Возникшие в результате пассионарного толчка люди – пассионарии – обладают «повышенной тягой к действию» [6]. От одного пассионарного толчка может возникнуть несколько суперэтносов.

Л. Н. Гумилев сформулировал теорию этногенеза, в которой он выделил ряд этапов развития этноса в их соотношении с долей пассионарности в этносе. Количество пассионариев в этносе выражается в понятии «пассионарное напряжение». Все стадии этногенеза соответствуют возрасту этноса, и их можно сопоставить с числом подсистем в этносе и с частотой событий, совершающихся в истории самого этноса.

Евразию Л. Н. Гумилев рассматривает как нечто целостное и в географическом, и в этническом аспекте. Но в ней также происходят внутренние изменения в соответствии с процессами этногенеза. Процессы этногенеза в России-Евразии легко отличить по «пульсу этнической истории» [7]. Если наблюдается пассионарный подъем и образуется новый этнос, то начинаются процессы экспансии и интеграции новой системы. Если наблюдается спад пассионарности, то великие державы, существовавшие на ее территории, распадаются.

Таким образом, этносы, согласно Л. Н. Гумилеву, возникают вследствие того, что люди способны адаптироваться к различным ландшафтно-климатическим условиям, что определяет, в свою очередь, формирование разных коллективов, непохожих друг на друга. Именно эти коллективы мыслитель и называет этносами. Ведущую роль в развитии этносов играет пассионарность. Этносы, как считает Л. Н. Гумилев, образуются достаточно редко. Но каждый из них обладает оригинальной внутренней структурой и собственным стереотипом поведения. «Почти все известные нам этносы сгруппированы в своеобразные конструкции – “культуры” или “суперэтнические целостности»» [Цит. по: Там же, с. 188]. Суперэтнические целостности включают в себя этносы, которые образовались от единого импульса, в одну эпоху и в одном регионе. В совокупности они представляют собой мозаику культур, типов, политических образований. Структура этноса может быть более или менее сложной, но именно благодаря ее сложности, как утверждает мыслитель, этнос обретает устойчивость и может пережить времена смут, смятений и мирного увядания. Л. Н. Гумилев пишет: «Принцип этнической структуры можно назвать иерархической соподчиненностью субэтнических групп, понимая под последними таксономические единицы, находящиеся внутри этноса (как зримого целого) и не нарушающие его единства» [4, с. 19]. Все этносы включают в себя субэтносы, являющиеся по отношению к этносам мелкими группами, отличающимися друг от друга в каком-то случае религией, в каком-то – языком, но всегда являющимися разными по стереотипу поведения. В свою очередь, сами этносы тоже сгруппированы в суперэтносы. В рамках одного такого суперэтноса отдельные этносы не всегда будут похожи один на другой, но они всегда будут «ближе друг к другу, чем к этносам других суперэтносов» [5, с. 20]. Говоря о России, Л. Н. Гумилев утверждает ошибочность мнения о том, что в нашей стране сформировался один единый суперэтнос. В границах бывшего СССР, согласно философу, существует как минимум семь суперэтносов. Все они занимают свою особую этноландшафтную зону или экологическую нишу и имеют собственную неповторимую судьбу и определенные традиции взаимоотношений и взаимообобщений с соседними суперэтносами. Таким образом, разнообразие суперэтносов просто невозможно свести к одному суперэтносу, даже если бы мы смогли нивелировать ландшафтные различия, что в принципе невозможно. «Единственно верный девиз устойчивого существования народов в полиэтническом государстве – “В мире, но порознь”». Вражда и кровопролитие начинаются как раз тогда, когда людям внушают, что они одинаковы», – заключает Л. Н. Гумилев [7, с. 192].

Идеи, которые легли в основу воззрений Л. Н. Гумилева, высказывал еще в начале XX столетия Н. С. Трубецкой. Свое законченное выражение они затем получили в философии Л. П. Карсавина, разработавшего учение о симфонической личности. Нужно отметить, что учение о личности является одним из оснований философии классического евразийства. Формула, которую утверждают евразийские мыслители, звучит как «все есть личность». Личностями являются как отдельные люди, так и семья, народ, государство, культура, социальные группы и все человечество в целом. Евразийцы называют их симфоническими или соборными личностями. Личность, согласно евразийцам, выступает таким единством множества, в котором множество и единство не могут существовать одно без другого в отдельности. Принцип соборности как принцип органического единства целого и его частей является принципом реализации личности.

Н. С. Трубецкой не использует термин «этнос», он использует понятие «народ». Философ отмечает, что народ, или даже группа народов, способных создать свою «особую культуру», является личностью, поскольку созидание культуры и культурных ценностей предполагает целесообразную творческую деятельность, а творчество с неизбежностью предполагает личностное восприятие. Наряду с «частночеловеческими» личностями, Н. С. Трубецкой выделяет также и «многочеловеческие», или симфонические, а наряду с «частнонародными» – «многонародные». Каждая личность проявляется, согласно философу, в каком-либо своем определенном состоянии, которое он называет индивидуацией. У каждой личности множество таких индивидуаций, складывающихся в «лики», которые все одновременно сосуществуют в ней. Любая личность имеет множество ликов, но не сводится ни к одному из них. «Личность есть связь и совокупность всех их» [17, с. 106]. Таким образом, частнонародная личность Н. С. Трубецкого вполне сопоставима с понятием этноса Л. Н. Гумилева, а многонародная личность – с понятием суперэтноса. Также Н. С. Трубецкой, как П. Н. Савицкий и Г. В. Вернадский, а вслед за ними и Л. Н. Гумилев, подчеркивает, что личность следует рассматривать как «психофизическое целое в совокупности с ее физическим окружением», т.е. с природной средой [Там же, с. 108]. Он утверждает, что связь многочеловеческой личности с природной территорией настолько сильна, что приходится рассматривать физическое окружение личности «как продолжение этой личности» [Там же, с. 107].

Итак, разнообразие этносов и их культур, согласно и классическим евразийцам, и Л. Н. Гумилеву, – это естественный и потому оптимальный для них формат существования. Одна для всех общечеловеческая культура просто невозможна, утверждают классические евразийцы, отрицая европоцентризм. Она невозможна, потому что народы населяют разные вмещающие ландшафты, добавляет Л. Н. Гумилев. «Суперэтнос не есть общность духовная или политическая, это – явление географическое», – утверждает мыслитель [7, с. 192]. Классические евразийцы утверждали обратное. В их симфонических личностях единство имело, прежде всего, духовные основания.

Таким образом, можно утверждать, что в учении Л. Н. Гумилева евразийские идеи получили свое развитие. Конечно, можно с этим поспорить. Но все же социокультурная и этнокультурная концепции классических евразийцев получили второе рождение в работах Л. Н. Гумилева. Л. Н. Гумилев попытался вписать философию евразийцев в рамки естественных наук, трактуя ее с позиции биологических процессов и обогатив ее понятием пассионарности. Но Л. Н. Гумилев принимает во внимание и, собственно, основывается на том факте,

что сами евразийские мыслители пытались соединить свои религиозные и философские воззрения с историческими и географическими. В основе же синтеза наук, созданного классическими евразийцами, лежали именно философские и религиозные принципы. Л. Н. Гумилев оставляет без внимания их концепцию симфонической личности и основополагающий для евразийского учения принцип соборности. Мыслитель вслед за евразийцами отстаивает позицию полицентризма, несводимости многообразия этнических и культурных общностей к единому и универсальному образцу, также отрицая европоцентризм. Л. Н. Гумилев по-своему, вполне в духе классического евразийства, трактует понятия «месторазвитие», «Евразия»; опирается на используемые классическими евразийцами понятия «многонародная личность», «частнонародная личность». К сожалению, в рамках одной статьи мы не смогли охватить все аспекты учения Л. Н. Гумилева и сопоставить их с философскими воззрениями классических евразийцев. На основании вышеизложенного можно заключить, что Л. Н. Гумилев переводит философское в своей основе учение евразийцев в плоскость естественных, а именно биологических наук, оставляя в стороне их основополагающие метафизические установки.

Список источников

1. Бердяев Н. А. Евразийцы // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн: антология. М.: Наука, 1993. С. 292-300.
2. Бердяев Н. А. Утопический этатизм евразийцев // Путь. 1927. № 8. С. 141-144.
3. Вернадский Г. В. Начертание русской истории. М.: Алгоритм, 2008. 336 с.
4. Гумилев Л. Н. География этноса в исторический период. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1990. 279 с.
5. Гумилев Л. Н. Заметки последнего евразийца // Наше наследие. 1991. № 3. С. 19-26.
6. Гумилев Л. Н. От Руси до России. Очерки этнической истории [Электронный ресурс]. URL: <https://e-libra.ru/read/317626-ot-rusi-k-rossii-ocherki-etnicheskoj-istorii.html> (дата обращения: 01.11.2019).
7. Гумилев Л. Н. Этнические процессы: два подхода к изучению // Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. СПб.: Ленинградское издательство, 2009. С. 182-197.
8. Гумилев Л. Н. Этнология и историческая география: ландшафт и этнос: XIII [Электронный ресурс]. URL: <http://gumilevica.kulichki.net/articles/Article114.htm> (дата обращения: 01.11.2019).
9. «...Если Россия будет спасена, то только через евразийство»: интервью с Л. Н. Гумилевым // Начала. 1992. № 4. С. 4-16.
10. Исаева О. С. Модификация философских идей классического евразийства в творческом наследии А. Г. Дугина // Философская мысль. 2019. № 7. С. 1-10.
11. Исаева О. С. Обоснование целостности и единства Российско-Евразийского мира в социальном проекте классического евразийства // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2014. № 1 (29). С. 109-120.
12. Кизеветтер А. А. Евразийство // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн: антология. М.: Наука, 1993. С. 266-278.
13. Кошарный В. П. Евразийство как объект междисциплинарного синтеза // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 1994. № 4. С. 9-11.
14. Люкс Л. Евразийство // Вопросы философии. 1993. № 6. С. 105-114.
15. Савицкий П. Н. Географический обзор России-Евразии // Савицкий П. Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. С. 279-294.
16. Савицкий П. Н. Евразийство // Савицкий П. Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. С. 81-98.
17. Трубецкой Н. С. К проблеме русского самопознания. От автора // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 105-113.
18. Трубецкой Н. С. Об истинном и ложном национализме // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 114-125.

L. N. GUMILYOV'S CREATIVE HERITAGE AND CLASSICAL EURASIANISM

Isaeva Oksana Sergeevna, Ph. D. in Philosophy
Penza State University
okcana_isaeva@mail.ru

The article analyses an original trend of the Russian émigré thought of the 1920-1930s – classical Eurasianism – and traces transformation of the Eurasian ideas in L. N. Gumilyov's philosophy. The paper reveals the content of the classical Eurasian conceptions, such as Russia-Eurasia, developmental place, Euro-centricity, a symphonic personality. The researcher traces development of these conceptions in L. N. Gumilyov's doctrine. It is shown that L. N. Gumilyov supplemented classical Eurasianism with the conception "passionarity". The researcher concludes that L. N. Gumilyov's doctrine emphasizes the natural scientific rather than philosophical approach.

Key words and phrases: classical Eurasianism; L. N. Gumilyov; neo-Eurasianism; Euro-centricity; developmental place; accommodating landscape; passionarity; Russia-Eurasia; ethnos; symphonic personality.